

## **ИСТИНА И БЛАГОДАТЬ КАК ОТРАЖАЮЩИЕ ПОЛОЖЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ РУСИ ПОНЯТИЯ В ВОСПРИЯТИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ЦЕРКОВНИКОВ XI ВЕКА: НА ПРИМЕРЕ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА**

© 2025 В. А. Соломин

*аспирант кафедры российской истории и документоведения  
e-mail: solomin@bsu.edu.ru*

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

В статье изучено значение понятий «истина» и «благодать» в контексте христианизации Древней Руси. Определены различия понятий «закон» и «благодать», а также дана характеристика соответствующим периодам. Проанализировано понятие «истина» как часть состояния «благодати», пришедшей на Русь в процессе христианизации. Оценено влияние акцентирования на тематике равноправия народов в труде Илариона. Выявлена связь между данными понятиями и свободой как одним из факторов христианского вероучения. Проанализировано соотношение положения Византии и Руси в картине мира Илариона, дана характеристика историографическим теориям полемического характера проповеди священника.

**Ключевые слова:** Иларион, христианство, Закон, Благодать, Древняя Русь.

## **TRUTH AND GRACE AS CONCEPTS REFLECTING THE SITUATION OF CHRISTIAN RUS' IN THE PERCEPTION OF ANCIENT RUSSIAN CHURCHMEN OF THE 11TH CENTURY: ON THE EXAMPLE OF METROPOLITAN HILARION**

© 2025 V. A. Solomin

*Postgraduate student of the Department of Russian History and Record management  
e-mail: solomin@bsu.edu.ru*

*Belgorod State University*

The article studies the meaning of the concepts of "truth" and "grace" in the context of the Christianization of Ancient Rus. The differences between the concepts of "Law" and "Grace" are determined, and the characteristics of the corresponding periods are given. The concept of "Truth" is analyzed as part of the state of "Grace" that came to Rus in the process of Christianization. The influence of the emphasis on the theme of equality of peoples in the work of Hilarion is assessed. The connection between these concepts and freedom as one of the factors of Christian doctrine is revealed. The relationship between the position of Byzantium and Rus' in Hilarion's picture of the world is analyzed, and historiographical theories regarding the polemical nature of the priest's sermon are characterized.

**Keywords:** Hilarion, Christianity, Law, Grace, Ancient Rus.

Выбор веры князем Владимиром был сложным, поскольку у него был выбор из множества других конфессий, и летописные сюжеты нам об этом свидетельствуют. После долгих раздумий (и неслучайно его сравнивают с Константином Великим) выбор был сделан в пользу христианских верований. Новая вера, в отличие от прежней,

являлась в первую очередь книжной. Неслучайно мусульмане отмечали, что христиане являются людьми книг.

Проблемы религиозных верований различных народов всегда находились в центре внимания политиков и исследователей, поскольку, с одной стороны, это был вопрос религиозного плана, с другой стороны, это была проблема геополитики. Естественно, что для новой религии должны быть новые идеи, новый подход к мировоззрению, что должно было найти отражение в книжном искусстве. Согласно заключению Б.А. Рыбакова, книжное искусство было необходимо Церкви для распространения и закрепления ряда идей в обществе, среди которых были смирение, покорность и божественная санкция правителей на власть [32, с. 28]. Решая задачи идеологического укрепления государственности власти и обоснования правильности выбора христианской веры, митрополит Иларион составил «Слово о Законе и Благодати», нацеленное как на демонстрацию итогов Крещения Руси, так и на выражение благодарности крестителям, среди которых были и члены правящей династии [26, с. 276].

Одной из наиболее волнующих церковных деятелей Средневековья философско-религиозных тем являлась проблематика выбора. Она была обусловлена необходимостью обоснования Иларионом укрепления государственной власти на основе христианской веры. Отечественные философы связывали термины «самодержавие» и «благодать», так как в их видении самодержец воспринимался на Руси не только как обладатель власти, но и как носитель благодати, что позволяло сакрализировать княжескую власть, тем самым обозначить её место, с одной стороны, как защитника этой веры, с другой – как гаранта нравственных убеждений людей [7, с. 61].

Наиболее ярким примером является принятие Владимиром христианства греческого типа в рамках так называемого исповедания веры. В «Повести временных лет» отдельное внимание уделялось визиту священнослужителей с Волжской Булгарии, Хазарского каганата, Священной Римской империи и Византийской империи в 986 г., и по итогу диалога с миссионерами и посольством Владимир делает выбор в пользу принятия христианства у греков [17, с. 36]. В воззрении древнерусских публицистов язычество не было свободным временем. Более того, главной заслугой Владимира, согласно пресвитеру, было освобождение народа от «заблуждения идольской лести», что означало, что язычество не могло привести к истине, а, наоборот, могло оставить народ в неведении и лжи [13, с. 96].

Решая вопросы идеологического характера, в частности укрепления княжеской власти, митрополит был вынужден, с одной стороны, обосновать законность веры, с другой – показать её хранителя через понятие «благодать». Для решения вышеуказанной проблемы было предпринято введение таких терминов, как «Закон» и «Благодать». Традиционно среди древнерусских книжников под Законом подразумевали воплощение божественной воли, составной частью которого была правда «правда», которая реализовывалась правителями, чья власть была сакрализирована [10, с. 112].

Иларион же в своём произведении прибегал к Закону как к определению эпохи Ветхого Завета [20, с. 488]. Под законом подразумевались десять заповедей, данных Моисею на горе Синай, что Иларион отразил в полном названии проповеди [8, с. 69].

Отношение пресвитера к подзаконному состоянию было неоднозначным. С одной стороны, на Руси Ветхий Завет пользовался уважением среди книжников [28, с. 277]. Это нашло проявление и в самом «Слове», так как автор активно использовал цитаты из Ветхого Завета для обоснования правильности христианского выбора Руси, а также указывал на роль Закона как предшествующую Благодать, сравнивая её с лунным светом [24, с. 110].

С другой стороны, автор «Слова» не принимал ограниченный одним народом Закона иудейской веры, так как верил, что к божественной истине должны присоединиться все народы [33, с. 40]. Так называемый Закон не мог стать источником спасения для народов в понимании автора произведения. Призванный защитить народ от «идольского мрака» Закон не в полной мере справился с поставленной задачей, что привело к его «обветшанию» и дальнейшей его замене на более совершенную «Благодать» [1, с. 16]. Вкладывая в это слово значение узконациональной правовой нормы, пресвитер указывал, что данный путь использовался иудеями для оправдания, а не спасения души [9, с. 31–32].

Помимо вышесказанного, Иларион Киевский осуждал иудеев, ссылаясь на то, что они не приняли Иисуса Христа и способствовали его распятию, за что позднее их постигло наказание в виде рассеяния народа римлянами [13, с. 67]. Как итог, ветхозаветная концепция богоизбранности одного народа и невозможность спасения остального человечества в рамках указанной системы верований приводили лишь к разобщению народностей, в результате чего с эпохой Закона митрополит связывал прежде всего неприемлемое для него так называемое «несвободное» состояние общества, подразумевавшее неравенство народностей [36, с. 285].

Период Закона был важным этапом с точки зрения христианства, так как он был предтечей христианской Благодати. Уместно привести пример о том, что рабыня Агарь, будучи воплощением Закона, родила Аврааму раба Измаила [13, с. 45]. Из данного сюжета следует, что подзаконное состояние не подразумевало свободы и было наполнено рядом ограничений, став тенью истины.

В мировоззренческой практике святителя присутствовали свидетельства о том, что после Закона одновременно появилась связанная с ним и в то же время противоположная Благодать, так как она была преподнесена Иисусом Христом всем народам [20, с. 488]. Таким образом, понятия «Закон» и «Благодать» в проповеди Илариона символизировали ветхозаветную и новозаветную эпохи соответственно [35, с. 82].

Ряд исследователей отмечали, что более подробное внимание Иларион уделял состоянию Благодати. Новозаветная эпоха характеризовалась открытостью истины, явленной миру Иисусом Христом. Его жертва позволила всем народам обрести спасение, так как он искупил все грехи [27, с. 216]. В этом и заключалось принципиальное отличие Благодати от Закона. В то время как подзаконное состояние было ограничено и по своей сути, и за счёт того, что иудеи воспринимали богоизбранность как признак исключительности, благодать приносила человеку возможность приобщения к божественному откровению и остальных народов [23, с. 109]. Закон находится в подчинённом положении по отношению к Благодати, так как его «озеро» иссякло. Он был слугой Благодати, являясь лишь тенью истины, частью Благодати, устремлённой в будущий век [13, с. 41].

Помимо ранее упомянутых понятий, в достаточно полной версии названия труда священника, а также в первой части проповеди параллельно с термином «благодать» использовался и термин «истина». Традиционно под ней мы подразумеваем философско-культурную категорию, которая обозначает идеал и способ его достижения, включающий в себя определённые критерии или систему ценностей [15, с. 169]. Данный термин, в свою очередь, является крайне важным для религиозной риторики, так как в православии полагалось, что Высшая Истина и есть Христос, и её суть воплощалась в учении Иисуса Христа [26, с. 274]. Иларион данное утверждение поддерживал, однако дополнял его тем, что она является абсолютным нравственным идеалом христианства [35, с. 96].

Истина является всеобъемлющей и универсальной, тем самым освещает собой все народы, но главное – она даёт возможность достичь спасения и неразрывна

с Благодатью, обуславливая её содержание [9, с. 31–32]. Отметим, что спасение также неразрывно связано со свободой. Владимир сделал выбор и крестил Русь, освободив людей от ложной веры. Это позволило целому народу встать на путь спасения, однако лишь от человека зависело, дойдёт ли он по пути спасения до конца, что также олицетворяло воцарившуюся свободу [34, с. 106].

Данная трактовка не только была призвана обосновать правильность решения принять христианство, но и накладывала дополнительные требования к правителю и народу. Так, им необходимо было выполнять заповеди Христа, если они хотели приблизиться к Господу и добиться вечной жизни после окончания земного пути [10, с. 113]. Таким образом, сочетание истины и благодати воспринималось Иларионом как идеальный образ общества и государства, к которому необходимо стремиться.

По мнению Илариона, одной из наиболее важных категорий благодати является свобода, которая олицетворялась с истиной, так как познание истинной веры, по логике Илариона, позволяет отказаться от заблуждений и получить свободу в выборе поведения [16, с. 49]. Её обретение является одним из факторов, демонстрирующих правильность выбора христианства Владимиром. Свобода показана через аналогию с ветхозаветным персонажем Исааком. Сущность Благодати отражал сюжет о Сарре, которая, будучи свободной, родила свободного Исаака. Будучи рождённым свободным от свободной женщины, Исаак символизировал благодать, которая пришла вместе с Иисусом Христом [13, с. 45]. Отдельно автор отмечал наличие у Владимира свободного выбора, так как он имел возможность остаться язычником, но познал Бога через разум, приобщившись к Благодати [35, с. 100].

Согласно раннехристианским воззрениям, краеугольным камнем размышлений об истине и всеобъемлющей благодати была идея о так называемом равноправии народов. С уходом иудейского Закона, начинает распространяться «евангельское озеро», чьи воды дошли до каждого уголка Земли, включая Русь. Иларион, повествуя о распространении благодати по всему миру, указывал, что теперь Русь вместе со всеми христианами славит Троицу [13, с. 69].

Стоит отметить, что в тексте «Слова» была заложена идея об оптимистичном будущем народа Руси, так как обращение Руси в христианство было следствием Божественного провидения и его историко-религиозной миссией, связанной с нахождением рядом с Христом и в общей группе христианских государств [30, с. 44]. Помимо вышеуказанного, историческая миссия, возложенная на древнерусских правителей, заключалась в достижении спасения народа Руси в религиозном смысле, что виделось митрополиту исполнимой целью в будущем, так как она приобщилась к Благодати [18, с. 36].

Становление в один ряд с другими народами формирует идею о равенстве Руси другими христианскими народами. Согласно воззрениям церковных книжников, в изучаемую эпоху мировая история была универсальной и представлялась как линейно развивающаяся от старого к новому, более совершенному. История Киевской Руси являлась органичной частью мировой истории, и крещение Руси стало для Илариона итогом развития всеобщей истории [19, с. 52]. При этом следует обратить внимание на то, что крещение было показано не как случайное событие, а как часть божественного попечения о Древней Руси. Это отражало следующие представления Илариона о мире и истории: во-первых, приверженность пресвитера к провиденциализму в восприятии исторического процесса; во-вторых, подчёркивало значимость христианизации Руси для народа и истории человечества [1, с. 16].

Молодость древнерусского народа для христианства воспринималась как достоинство в глазах священника. Это было связано с тем, что относительно молодая религия, учение которой в тексте проповеди сравнивали с вином, требовала для

обновления новые мехи, в которые наполнялась Благодать, символизируя значимость новых народов для распространения христианской веры [21].

Тем не менее ряд исследователей неоднозначно восприняли ранее указанные воззрения Илариона. Идея о равноправии народов в контексте основного труда священника противопоставлялась идее об избранничестве конкретной человеческой общности. Традиционно, исходя из этого фактора, учёные приходили и продолжают приходить к выводу, что в воззрении Илариона идея об универсальности веры и равноправии народов заключалась в осуждении избранничества [16, с. 49]. Призывы к равноправному отношению между народами воспринимались как вызов к устоявшемуся доминированию Византии. Существует гипотеза о связи утверждений Илариона о становлении людей свободными через благодать с попыткой ослабления зависимости Руси от воздействия Византии [12, с. 353]. В современной историографии распространена трактовка вышеуказанных утверждений как претензия к Византии. Так, осуждая «монополию Византийской империи на благодать», митрополит предупреждал греческих церковников о последствиях их попыток удержать доминирование в церковных вопросах, а также обосновывал необходимость автокефалии русской церкви [23, с. 103].

Также отметим, что, согласно сторонникам теории о полемическом характере проповеди, митрополит в своём основном труде мог выдвинуть претензии на более значимое положение Руси и других новых народов над Византией – прежде всего, это акцент на роль язычников, принявших христианство. Отдельно отметим, что, критикуя Закон за его ограниченность, он указывал, что язычники оказались готовы к тому, чтобы принять божественное спасение. Это может обозначать, что новообращённые народы также получили возможность в полной мере ощутить и познать новозаветную благодать [13, с. 76]. Митрополит вкладывал в размышления об иудеях не столько самих евреев, сколько иудеохристиан и их полемику с языкохристианами, вставая на сторону последних. Данная аналогия, по заключению сторонников теории о наличии антивизантийской направленности текста, должна была символизировать преимущество новокрещёных народов над Византией [34, с. 284–285]. В дополнение отметим, что Иларион провозглашал сакральное значение Киева как «второго Иерусалима», что позволяло миновать греков в аналогиях. Так, София Киевская сравнивалась с Иерусалимским храмом, а при описании «передачи святости» от одной земли к другой он связывает Владимира в первую очередь с Иерусалимом, нежели с Константинополем [22, с. 794].

Тем не менее проповедь Илариона и её часть про равноправие не фиксировали стремление Древнерусского государства и его правителей становиться выше византийцев по статусу. Иларион обосновывал именно равноправие народов, так как благодать распространялась на все народы [16, с. 49]. Более того, вышеуказанные воззрения показывали, что пресвитер переживал за будущее своих государства и народа, однако в высказываниях подчёркивал, что народ Руси – лишь часть человечества, не стоящая выше или ниже других народностей, что противоречит гипотезе о выделении для Руси более высокого статуса, чем у Византии и других христианских народов и государств [19, с. 54].

Учитывая все указанные выше факторы, для древнерусских князей в рамках декларируемого равноправия и церковной идеологии вполне органичным являлось намерение добиться равного с Византией статуса. Данное стремление имело место быть начиная с X века после крещения Ольги в Константинополе. После крещения и приёма, считавшегося княгине унижительным, она получила титул архонтиссы, связанный невысоким, что отталкивало Святослава от христианизации и стало стимулом для Владимира стать «первым среди равных» среди европейских монархов

[30, с. 14]. Данная позиция вписывалась в идею о равноправии народов, однако в первую очередь была рассчитана на недопущение превращения русско-византийских отношений в вассальные [32, с. 11]. В рамках данной логики мышления Владимир предпринял попытку приобщения к христианской благодати не через крещение в Византии, а через военную кампанию, нацеленную на взятие города Корсуни [29, с. 235].

Согласно легенде о взятии города, князь обещал принять христианство в случае победы над византийцами. При этом стоит отметить, что решение не было спонтанным, так как Владимир уже принял решение крестить Русь до начала осады города [17, с. 46–47]. Первоначально так называемый Корсунский поход увязывался именно с религиозной, а не геополитической необходимостью. Взятие города было обусловлено стремлением получить большее количество богословов у Византии с целью дальнейшей христианизации Древнерусского государства [11, с. 324].

Помимо христианизации страны, в рамках данного конфликта Владимир стремился к равенству по статусу с византийскими императорами [30, с. 23]. Не менее важным в попытках достичь данного статуса был уже веками проверенный способ через династический брак. Владимир пытался взять в жёны византийскую принцессу Анну. Данный способ имел большое значение и с символической точки зрения, так как власть в Византии считалась божественной, что отразилось бы и на статусе Владимира. Греки изначально согласились на данный брак в условиях острой необходимости заполучить союзника в подавлении восстания Варды Фоки. Однако порфирородное происхождение принцессы становилось серьёзным препятствием, и условием со стороны византийцев стало крещение Руси [14, с. 202]. Фактором нападения на Корсунь стало то, что императоры не были склонны выполнять своё обещание, и династический брак был заключён после завершения осады города [3, с. 113]. Заключение брака позволило не только укрепить статус Руси на международной арене, но и дать толчок христианизации страны. Среди итогов данного похода не только свадьба Владимира и принцессы Анны, но и существенная помощь последней в распространении христианства на Руси после крещения [3, с. 114].

Важно отметить, что равноправие и попытки его достичь также включали в себя и проявление уважения как к самой Византийской империи, так и к её роли в распространении религии. Во-первых, в изучаемый период времени Византийское государство продолжало быть одним из наиболее сильных государств, а во-вторых, на момент крещения Руси она переживала подъём военной и политической мощи [5 с. 14]. Державы могли построить взаимовыгодные отношения, так как Византии необходимы были союзники для подавления соперников, а Русь стремилась войти на международную арену как её равноправный участник [4, с. 119]. Вышеуказанное утверждение находило своё отражение и в летописных текстах. Так, в «Повести временных лет» указывалось, что народ Руси произошёл от сына Ноя Иафета. Таким образом, летописец демонстрировал его общие истоки с римлянами, викингами, готами, англами и другими народами [17, с. 2].

Особого внимания заслуживает факт так называемого уважения митрополита к византийской истории и её вкладу в распространение христианства, о чём свидетельствуют сравнения Владимира с Константином. Князь провозглашался равным своему предшественнику. И Владимир, и Константин позволили «покорить земли Богу» и были вовлечены в составление церковного закона при совещании со священниками [13, с. 99]. При этом важно отметить, что упоминание и греческой земли, и императора Константина не вызывает негативного отклика в риторике митрополита. В тексте «Слова» подчёркивалось, что опыт благоверности греческой

земли и конкретно Константина стал примером для Владимира и побудил его принять христианство [24, с. 109].

Стоит отметить, что вышеуказанные факторы были призваны не с целью возвыситься над Византией или полемизировать с ней, а чтобы решить две наиболее важные задачи: во-первых, показать достижения во внутренней политике, во-вторых, продемонстрировать престиж Руси, ставшей равноценной частью христианского мира.

Антивизантийская риторика в момент произнесения речи, которую учёные традиционно относили к 1050 году, реже допуская возможность произнесения проповеди в 1038 году, не являлась актуальной ни в одну из вышеприведённых дат, несмотря на то что между Киевом и Константинополем были определённые церковные прения [36, с. 299]. Этими прениями мог воспользоваться Ярослав, чтобы поставить свою кандидатуру в киевские митрополиты. Зная о конфликте патриарха Михаила Керулария со студийскими и афонскими монахами, князь мог поддержать последних и выдвинуть своего духовника на вышеуказанный сан, задействовав правило собора епископов митрополии при содействии светских властей [31, с. 116]. При этом Ярослав и его окружение выступали не против Церкви или господства Византии, а лично против патриарха Михаила, из чего можно сделать вывод, что к моменту прочтения проповеди в восприятии как Илариона, так и древнерусской княжеской власти религиозный и геополитический аспекты идеологии не подразумевали вызовов против Византии или проявлений к ней враждебности; отсюда следует, что основной труд священника не включал в себя антивизантийскую риторику [14, с. 421].

Исходя из сделанных ранее выводов, данные прения не вызывали враждебности по отношению к другим народам. Общность между восточнохристианскими общинами, в частности между Русской и Константинопольской церквями, и ощущение единства стимулировали идею о равенстве народов, что играло бóльшую роль, нежели национальные или геополитические разногласия [25, с. 196]. Данное обстоятельство также могло оказать позитивное влияние на судьбу Илариона. Так, отсутствие публичной реакции позволяет сформулировать гипотезу, что Михаил Керуларий был вынужден признать правомочность поставления Илариона в митрополиты задним числом, подтвердив возможную договорённость между правителями Киева и Константинополя [2, с. 165].

К моменту прочтения проповеди русско-византийская война уже была завершена мирным договором и последовавшим за ним заключением династического брака [6, с. 61]. Это позволило снова породниться правящим династиям, что могло не только ослабить напряжение во внешней политике, но и стать фактором, благодаря которому удалось поставить митрополита в Киеве по договорённости или без возражений со стороны Константинополя [24, с. 95]. Таким образом, патриотизм Илариона не был связан с соперничеством Руси и Византии, из чего следует, что наиболее вероятный повод для чтения проповеди был связан с внутренними вопросами развития Древнерусского государства и общества [36, с. 299].

В завершение анализа данной проблемы, подведём следующие итоги.

Понятия «Закон» и «Благодать» в интерпретации древнерусской книжной традиции стали частью государственного нарратива, направленного на решение идеологических проблем, в частности обоснования правильности выбора князем Владимиром христианского вероучения и его дальнейшего укрепления на Руси легитимации княжеской власти.

Закон, символизирующий ветхозаветную эпоху, воспринимался митрополитом Иларионом как эпоха ограничений, символизирующая несвободу и рабство, однако значимая для дальнейшего воцарения Благодати – новозаветного времени.

Согласно новозаветному восприятию мира, с Благодатью пришла и Истина, воплощённая в Иисусе Христе и его учении. Данная Истина даёт свободу, которая доступна только при христианстве, и даёт возможность принять осознанный выбор.

Обращение к сюжету о полемике иудеохристиан и языкохристиан могло быть, во-первых, элементом предостережения византийцев от монополии на христианскую Благодать и, во-вторых, попыткой обоснования преимущественного положения Руси над традиционными христианскими народами. Однако вследствие теории о распространении благодати на все народы и их равноправия перед Богом данное утверждение не может быть подтверждено;

Митрополит в своих книжных рассуждениях декларировал равенство всех христианских народов. Это проявлялось не только в желании сравняться по статусу с Византией, что нашло отражение в истории осады Корсуни, но и в заслугах Владимира и византийских императоров в религиозном аспекте, что указывало на проявление уважения к грекам и не вызывало стремление к неизбежной конфронтации.

### *Библиографический список*

1. Антонов, М. В. История правовой мысли России. Конспект лекций / М. В. Антонов. – Санкт-Петербург: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2011. – 212 с.
2. Архимандрит Никон (Лысенко). Очерки по истории Церкви Древней Руси / Архимандрит Никон (Лысенко). – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовской-на-Дону епархии, 2009. – 352 с.
3. Бардашова, Т. Н. К вопросу об особенностях византийской матримониальной политики в X веке: брак греческой принцессы Анны и русского князя Владимира / Т. Н. Бардашова // Современная наука. – 2011. – № 1. – С. 111–115.
4. Батюк, Л. И. К 1020-летию принятия христианства на Руси / Л. И. Батюк // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2008. – № 3. – С. 118–123.
5. Белкин, А. И. Крещение Руси: альтернативы и историческая реальность / А. И. Белкин // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2013. – № 4. – С. 11–19.
6. Брюсова, В. Г. Русско-византийские отношения середины XI века / В. Г. Брюсова // Вопросы истории. – 1972. – № 3. – С. 51–62.
7. Гулыга, А. В. Творцы русской идеи / А. В. Гулыга. – Москва: Молодая гвардия, 2006. – 316 с.
8. Десять заповедей // Азбука христианства: Словарь-справочник. / составитель А Удовенко. – Москва: Наука, 1997. – С. 69.
9. Замалеев, А. Ф. Восточнославянские мыслители: Эпоха Средневековья / А. Ф. Замалеев. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 1998. – 270 с.
10. Золотухина, Н. М. Средневековые мыслители России о правде, законе, справедливости, истине и благодати / Н. М. Золотухина // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – № 2. – С. 102–142.
11. Иаков Мних. Память и похвала князю русскому Владимиру / перевод Н. И. Милютенко // Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – Том 1. – С. 316–327.
12. Иванов, В. Г. История этики средних веков / В. Г. Иванов. – Москва: Лань, 2002. – 464 с.

13. *Иларион. Слово о законе и благодати* // Митрополит Иларион. Слово о законе и благодати / перевод В.Я. Дерягина. – Москва: Институт русской цивилизации, 2011. – С. 36–109.
14. *Карпов, А. Ю.* Владимир Святой / А. Ю. Карпов. – Москва: Молодая гвардия, 2004. – 454 с.
15. *Касавин, Т. И.* Истина / Т. И. Касавин // Новая философская энциклопедия. В томах. / редактор В. С. Степин. – Москва: Мысль, 2010. – Том 2. – С. 169–172.
16. *Кожжаев, М. М.* Учение о власти в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона / М. М. Кожжаев // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – №. 1. – С. 44–54.
17. *Лаврентьевская летопись* // Полное собрание русских летописей: в 43 т. – Санкт-Петербург, 1846. – Том 1. – С. 1–209.
18. *Лихачёв, Д. С.* Слово о законе и благодати» Илариона / Д. С. Лихачёв // Великое наследие. – Москва: Современник, 1979. – С. 33–46.
19. *Лемешко, Г. А.* Становление историософских идей в Древней Руси: «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона / Г. А. Лемешко // Культура и цивилизация. – 2015. – № 1–2. – С. 50–55.
20. *Лушин, А. Н.* «Слово о законе и благодати» Киевского митрополита Илариона: юридические и нравственно-религиозные аспекты / А. Н. Лушин // Юридическая техника. – 2016. – 10. – С. 488–489.
21. *Манукян, Э. М.* Соотношение «Закона» и «Благодати» в «Слове» Илариона Киевского как обоснование претензий на равноправие Русской Церкви / Э. М. Манукян // Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013005458> (дата обращения: 02.10.2024 ).
22. *Менделеева, Д. С.* Тема "Святой земли" и "Второго Иерусалима" в "Слове законе и благодати" митрополита Илариона / Д. С. Менделеева // Герменевтика древнерусской литературы. – 2014. – № 16–17. – С. 791–796.
23. *Мильков, В. В.* Иларион / В. В. Мильков // Философская антропология. – 2019. – № 1. – С. 102–121.
24. *Мюллер, Л.* Митрополит Иларион: жизнь и творчество / Л. Мюллер // Понять Россию: историко-культурные исследования. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – С. 88– 124.
25. *Мюллер, Л.* Проблема христианизации России и ранней истории русского христианства / Л. Мюллер // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. – 2015. – № 4. – С. 187–196.
26. *Пархоменко, В. В.* Духовное осмысление истории автором «Слова о Законе и Благодати» / В. В. Пархоменко // Труды Саратовской православной духовной семинарии. – 2009. – № 3. – С. 270–277.
27. *Перевезенцев, С. В.* Родство по истории: Статьи. Очерки. Беседы / С. В. Перевезенцев. Москва: ФИВ, 2015. 455 с.
28. *Петрухин, В. Я.* Древняя Русь. Народ. Князь. Религия / В. Я. Петрухин // Из истории русской культуры: в 5 т. – Москва: Языки русской культуры, 2000. – Том 1. – С. 13–412.
29. *Петрухин, В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков / В. Я. Петрухин. – Смоленск: Русич; Москва: Гнозис, 1995. – 320 с.
30. *Петрушко, В. И.* История Русской Церкви с древнейших времён до установления патриаршества / В. И. Петрушко. – Москва: Изд-во ПСТГУ, 2007. – 356 с.

31. Роменский, А. А. История Руси и Русской Церкви в трудах Анджея Поппэ / А. А. Роменский // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2021. – № 1 (13). – С. 108–126.

32. Рыбаков, Б. А. Начальные века русской истории / Б. А. Рыбаков // Христианство и Русь. – 1988. – №2. – С. 5–30.

33. Сокурова, О. Б. Темы и идеи «Слова о законе и благодати» в истории отечественной культуры / О. Б. Сокурова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2011. – №2. – С. 38–46.

34. Темчин, С. Ю. Типология этнорелигиозных конфликтов в «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Илариона / С. Ю. Темчин // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. международная научная конференция (2012, Москва) / под редакцией А.О. Чубарьяна. – Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2012. – С. 280–286.

35. Ужанков, А. Н. «Слово о законе и благодати» и другие творения митрополита Илариона Киевского / А. Н. Ужанков. – Москва: НИЦ «Академика», 2013. – 350 с.

36. Феоктистов, Г. Г. Благодать как путь обретения свободы («Слово о законе и благодати» митрополита Илариона) / Г. Г. Феоктистов // Вече. – 2004. – №. 26. – С 283–301.